

10.2. АНАЛИЗ УСЛОВИЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Белова Н.П., к.э.н., доцент кафедры экономики, управления и кооперации, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации;

Калинина Г.В., д.ф.н., к.э.н., профессор, заведующий кафедрой коммерции и менеджмента Чебоксарского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации;

Смирнов В.В., к.э.н., доцент кафедры отраслевой экономики, ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Рассмотрены концептуальные аспекты качества жизни, раскрыты основные определения уровня жизни, установлено соотношение благосостояния, уровня, качества и образа жизни, отражена потребность в осознании ценности человеческого капитала, разобран мировой опыт в исследовании социального развития, рассмотрены отечественные методики оценки социального развития, показана структура синтетических индексов качества жизни.

ВВЕДЕНИЕ

Социальное развитие может быть определено системой факторов, каждый из которых дает представление о какой-либо стороне жизнедеятельности человека. Для того чтобы иметь полное представление о качестве жизни, необходимо комплексное изучение доходов населения и его потребностей, уровня и структуры потребления, обеспеченность жильем, предметами культурно-бытового назначения, социальной инфраструктурой, состояние окружающей среды и многих других.

1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Различные аспекты социального развития столетиями обсуждаются в мировой философской, социологической и экономической литературе.

При изучении социального развития используется целое семейство синонимичных и близких по значению терминов:

- «качество жизни»;
- «индивидуальное и общественное благосостояние»;
- «базовые нужды»;
- «уровень жизни»;
- «стандарт жизни»;
- «совокупность характеристик потребления»;
- «потребности или нужды»;
- «образ жизни»;
- «условия жизни»;
- «качество населения»;
- «социальный и человеческий капитал»;
- «человеческий выбор» [4].

Иногда разные термины подразумевают одинаковое содержание, а иногда отличие имеет принципиальный характер. В то же время необходимо отметить тесную взаимосвязь этих понятий.

Значительные изменения в представлениях о социальном развитии начались в Европе с конца XVIII в. под влиянием первой промышленной революции, а также новых экономических и социальных идей, обусловленных развитием политической экономии, которая формировалась как наука о богатстве. Это видно даже из названий классических сочинений:

- П. Буагильбер (1646-1714) «Рассуждение о создании и распределении богатств»;
- И.Т. Посошков (1652-1726) «Книга о скудности и богатстве»;
- А. Тюрго (1727-1781) «Размышления о создании и распределении богатств»;
- А. Смит (1723-1790) «Исследование о природе и причинах богатств народов»;
- С. Сисмонди (1773-1842) «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению»;
- Ж.Б. Сэй (1767-1832) «Трактат политической экономии, или Простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства»;
- А. Курно (1801-1877) «Исследование математических принципов теории богатства»;
- Дж. Кларк (1847-1938) «Распределение богатства» и др. [3].

Для экономической науки базовым является понятие благосостояния, с его ростом ассоциируется социальное развитие. До конца 1980-х гг. теоретический багаж западной и отечественной экономической науки в определении и изучении благосостояния различался, что проявлялось в содержательной интерпретации понятия благосостояния и его оценках.

Первые концепции были нацелены на определение и измерение индивидуального благосостояния. В XIX в. благосостояние исследовалось с использованием в качестве инструмента функции индивидуальной полезности (маржиналистские концепции). Последующие неоклассические теории индивидуального выбора были основаны на концепции полной рациональности. Но реальное поведение человека, стремящегося улучшить свое благосостояние, не укладывается в оптимизационные модели неоклассических теорий и зависит от ряда психологических, физиологических, социологических факторов, ограничивающих рациональность выбора. Неспособность индивида оптимизировать свое благосостояние показана в концепции ограниченной рациональности Г. Саймона. Из этой концепции следует, что невозможно построить непротиворечивую функцию индивидуального благосостояния, учитывающую недостаточную информированность и рациональность индивидов. Эволюция концепций индивидуального благосостояния привела к усложнению подходов к его оценкам, учету воздействия субъективных факторов.

В оценке общественного благосостояния теоретическая эволюция также прошла несколько этапов. Они отражают различную роль рынка и государства в формировании общественного благосостояния.

А. Пигу первым обосновал возможность роста общественного благосостояния путем перераспределения доходов, исходя из того, что предельная полезность доходов по мере их роста убывает. Начатые Пигу исследования внешних эффектов (экстерналий) положили начало развитию концепции «провалов рынка», а исследования взаимосвязи между внешними эффектами и общественными товарами создали базу для развития современного направления в теории благосостояния – концепции общественных благ.

Принципиально новым направлением стали работы В. Парето, получившие название новой теории благосостояния. Согласно критерию Парето, если в результате какого-либо события один индивид улучшает свое положение и при этом не ухудшается положение других индивидов, то такое событие приводит к росту общественного благосостояния. При исчерпании всех вариантов, улучшающих положение хотя бы одного индивида и не ухудшающих положения других, наступает состояние

Парето-оптимума. Однако такое состояние является необходимым, но недостаточным критерием достижения общественного оптимума. Только при использовании критерия распределительной справедливости, построенного на основе целостных рассуждений, возможен оптимальный выбор из общественных альтернатив благосостояния.

А. Бергсон в наиболее общем виде сформулировал функцию общественного благосостояния, позволяющую выбрать из множества Парето-оптимальных состояний наилучшее, являющееся общественным оптимумом, с использованием не только критерия эффективности, но и принципа распределительной справедливости, выразителем которого становится государство.

Следом за кейнсианской революцией в экономической теории во второй половине XX в. появилась теория государства благосостояния (Дж. Гелбрейт, Г. Мюрдаль и др.), исходящая из того, что вся деятельность государства направлена на повышение общественного благосостояния. Государство – «ночной сторож» – ушло в прошлое и последствием чрезмерного вмешательства государства в экономику стало рождение современной концепции «провалов государства» [5].

Поиски причин несостоятельности государства, не всегда способствующего росту общественного благосостояния, привели к развитию теории общественного выбора, объясняющей действия индивидов не как потребителей, а как избирателей, политиков, чиновников, имеющих разнонаправленные интересы. Природу механизмов согласования интересов, позволяющих принять общественное решение, устраивающее всех или большинство членов общества, раскрывает теория общественного выбора Дж. Бьюкенена.

Возможности создания непротиворечивого механизма агрегирования индивидуальных предпочтений в общественные рассмотрены в работах ведущего современного теоретика области исследования благосостояния А. Сена. К его заслугам относится разработка одного из самых широко используемых индексов, измеряющих различия в доходе и благосостоянии.

В отечественной экономической науке понимание социального развития как самостоятельного элемента эволюции социально-экономической системы любого уровня укоренилась достаточно прочно. В макроэкономических исследованиях социальное развитие относится к одному из основных типов роста наряду с технологическим и финансовым ростом.

В социально-экономических исследованиях базовым подходом является благосостояния населения, которое рассматривается как «архисложный многомерный социальный объект» [3].

Ведущей российской школой изучения благосостояния населения является институт социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН под руководством Н.М. Римашевской. Для исследователей этой школы характерно понимание благосостояния как некой кумуляты, объединяющей понятия условия, уровень, образ и качество жизни. Такой подход сформировался в 1960-1970-е гг., он совпадает с изменением подходов к оценке благосостояния в западной науке: возрастанию роли неэкономических (социальных) и нематериальных благ. При этом указанные понятия не имеют строго формального определения, различные авторы трактуют его по-разному.

Имеющиеся в научной литературе определения уровня жизни отталкиваются от различных исходных понятий: производства, потребления, доходов, стоимости жизни, потребительских нормативов и стандартов или имеют комплексный многоаспектный характер.

При подходе «от производства» исходят из зависимости уровня жизни от уровня развития производительных сил, структуры и эффективности общественного производства. Так К. Маркс в «Капитале» писал: «Рабочий класс, чтобы сохранить свой обычный средний уровень жизни, должен получить по меньшей мере прежнее количество необходимых жизненных средств, хотя, может быть, и несколько измененное по характеру составляющих его товаров» [4, 5]. Этот подход весьма характерен для советского периода. Так, в одной из работ [5] того времени говорится о необходимости такой методологии, которая определяется той особой ролью, которую играют социальные факторы в эпоху научно-технической революции – существенная обратная связь с эффективностью общественного производства (с ростом общественной производительности труда).

Н.И. Бузляков считал, что в экономической литературе наиболее распространено представление об уровне жизни как о количестве потребляемых материальных, культурно-бытовых и социальных благ и степени удовлетворения потребностей в них на достигнутой стадии развития производительных сил [3].

Между уровнем жизни и общественным производством существует сильная обратная связь. С одной стороны, это – прежде всего зависимость от уровня жизни качественных характеристик трудовых ресурсов и эффективности труда занятых, с другой – повышение материальной заинтересованности работника в высокопроизводительном труде в связи с ростом его потребительских возможностей.

Логическим завершением линии рассуждений «от производства» может служить душевое значение показателя валового национального или внутреннего продукта (точнее его части, выделяемой на конечное потребление населения). Однако, это в большей степени общеэкономический показатель, так как в применении непосредственно к населению его значение опосредствуется характером существующих распределительных отношений, социально-демографической структурой общества и другими обстоятельствами. Другими словами, валовой внутренний продукт (ВВП) не дает адекватных оценок развития, так как его рост может иметь разное качество и не всегда сопровождается ростом человеческих и природных активов. Недостаточность оценок только экономического развития без качества роста стала очевидной еще в 1950-1960-е гг. [2, с. 43].

Определение уровня жизни как совокупности характеристик потребления широко используется как в отечественных исследованиях и разработках, так и в работе международных организаций и международной статистической информации.

Авторы книги «Семья, труд, доходы, потребление» [3], понимая всю сложность и интегральный характер понятий «народное благосостояние» и «уровень жизни» (рассматриваются здесь как синонимы), тем не менее, считают, что в наиболее общем виде – это совокупность реальных условий и характеристик функционирования населения в сфере потребления (абстрагируясь от общественно-политической деятельности человека, протекающей в других областях жизни общества, и

прежде всего в сфере производства). По определению Н.М. Римашевской, комплекс условий функционирования человека в сфере потребления проявляется в масштабах развития потребностей людей и характере их удовлетворения [5]. Таким образом, их системообразующей основой выступают человеческие нужды, возникающие и реализующиеся в сфере потребления.

Интересное и достаточно полное определение, связывающее интересы и характеристики личности и общества в целом, дается М.А. Можинной [3], из которого следует, что «уровень жизни отражает важнейший из выделяемых в социологии аспектов положения человека в обществе. Выражая степень реализованных жизненных интересов и предпочтений, которые являются движущей силой хозяйственной деятельности, уровень жизни тем самым выступает важнейшей интегральной характеристикой социально-экономической системы. Показатели динамики уровня жизни населения дают возможность судить как о характере и направленности перемен в целом, так и об их социальных последствиях для различных групп населения». Позже она рассматривала уровень жизни как взаимосвязанный комплекс потребностей, одну из важнейших статусных характеристик положения человека в обществе и полагала, что само понятие уровня жизни можно считать синонимом понятия благосостояния, но с более выраженным динамическим оттенком.

Уровень жизни формирует многообразные потребности или нужды (доминанты уровня жизни) в сочетании с показателями потребления. Проблема выделения доминант остается одной из сложнейших. Наиболее известны пирамида потребностей А. Маслоу, теория потребностей Д. Макклелланда, двухфакторная модель Ф. Герцберга, модифицированная пирамида потребностей И.В. Бестужева-Лады.

В оценках уровня и качества жизни получила известность концепция базовых нужд, появившаяся в 1960-е гг. в Швеции. В русле этой концепции в исследованиях ИСЭПН РАН выделен широкий комплекс непосредственных человеческих нужд [3]:

- поддержание жизнедеятельности и защита от внешних воздействий (пища, одежда, жилище, предметы обихода, индивидуальная инфраструктура, среда обитания);
- сохранение и восстановление здоровья;
- отдых, развлечения;
- семья и продолжение рода;
- воспитание, обучение, профессиональная подготовка;
- передвижения в связи с трудовой деятельностью и удовлетворение других потребностей;
- потребление культурных благ, информации, обмен и общение с другими членами общества, развитие личности.

Не разделяя понятия благосостояния, уровня, качества и образа жизни, некоторые специалисты так определяют их соотношение: если считать, что уровень жизни отражает комплекс условий и характер функционирования человека в сфере потребления («по ту сторону производства»), образ жизни – особенности деятельности (поведения) людей во всех сферах их проявления, а качество жизни – состояние населения применительно к его существенным характеристикам, то общественное благосостояние есть синтез этих понятий [5].

В конечном счете общественное благосостояние отражает развитие потребностей людей применительно к основным сферам жизнедеятельности: сфере труда, потребления, культуры, репродуктивного поведения, общественно-политической жизни.

Приоритетность характеристик потребления при оценке уровня жизни признается определяющей и другими исследователями. В.Ф. Майер, в частности, пишет: «Уровень и структура потребления – это прямые и непосредственные показатели жизненного уровня. Но в условиях товарно-денежных отношений распределение потребительских благ, как правило, опосредствуется формированием и распределением доходов. Поэтому последние используются как косвенные показатели жизненного уровня» [3].

Некоторые исследователи, трактующие и развивающие понятие «стоимости жизни» весьма широко, практически приравнивают его к понятию уровня жизни. Так, в работе «Стоимость жизни и ее измерение» [3] говорится о том, что в классическом понимании термин «стоимость жизни» используется для обозначения стоимости совокупности предметов потребления, соответствующей определенному уровню удовлетворения потребностей.

Согласно такой трактовке, изменение стоимости жизни связано не только с динамикой потребительских цен, но и с динамикой различных видов доходов, сбережений, улучшение системы бесплатного обслуживания, изменение налогообложения личных доходов, прогресс в структуре потребления населения и т.д.

Условия жизни определяются в подходах экономистов как детерминанты уровня жизни и наряду с показателями потребления являются основой для определения уровня жизни при проведении исследований, т.е. фактически включаются в его состав [2, с. 21]. При этом сложность разделения условий и уровня жизни можно показать на примере жилищных условий: уровень обеспеченности и благоустроенности жилья является одновременно и условием жизни, и элементом потребления.

Образ жизни как понятие наиболее детально рассмотрен Р.В. Рывкиной [3] и включает совокупность конкретных форм жизнедеятельности людей во всех сферах общественной жизни (труд, потребление, воспроизводство, управление, общественно-политическая деятельность). Изменения образа жизни являются одним из важнейших индикаторов социального развития, понимаемого как развитие человека, поскольку в процессе этого развития меняются цели, активность и интересы людей – весь основной круг индикаторов, представляющих образ жизни. Связь этой категории с уровнем жизни велика, так как в основе образа жизни лежат потребности, которые определяют весь набор интересов субъекта жизнедеятельности.

Наряду с учетом свободных рыночных механизмов спроса и предложения, во многом определяющих уровень жизни населения, необходимо принимать во внимание также и нормативно-распределительный принцип, который в качестве регулирующей функции государства может оказывать упорядочивающее и выравнивающее влияние на материальное положение отдельных групп населения и использоваться в планировании и прогнозных расчетах уровня жизни. Этот принцип широко применялся в условиях централизованной плановой экономики, но и сейчас он, хотя и более ограниченно, используется при установлении, например, некоторых государственных социальных гарантий, таких, как минимальная заработная плата, минимальная пенсия, прожиточный минимум. При использовании этого принципа учитывается, что нормативы и стандарты потреб-

ления варьируют в зависимости от социально-экономического состояния общества, а при региональном рассмотрении – от социокультурных и этнических особенностей населения, а также от природных и экологических факторов.

А. Смит занимался определением сущности и структуры другой глобальной экономической категории – «богатство». Под «богатством» нации у Смита понимается, прежде всего, обилие потребительских благ на душу населения. Такие блага, по Смиуту, появляются либо от труда, либо от внешней торговли продуктами этого труда, либо от соотношения числа производительных работников к числу потребителей [5].

Современные подходы к социальному развитию учитывают возросшую роль нематериальных благ [2, с. 24]. Наиболее известна теория человеческого капитала, связанная с работами Т. Шульца, Г. Беккера, Х. Джонсона, Э. Денисона и др. [3]. Под человеческим капиталом понимается мера вложенной в человека способности приносить доход (совокупность знаний, квалификации, здоровья работников, позволяющих повышать производительность труда). Фактор человеческого капитала стал важным источником экономического роста, он объясняет экономическую роль образования, науки, здравоохранения, которые ранее рассматривались как потребляющие и непроизводительные сферы.

Осознание ценности человеческого капитала способствовало изменению отношения к образованию, здравоохранению, культуре и другим отраслям социальной сферы, в том числе с позиций их ресурсного обеспечения. Увеличение расходов на образование воспринимается властями многих государств как фактор экономического роста, а предпринимателями – как фактор повышения производительности труда.

Во многих странах образование стало рассматриваться как экономически рациональная деятельность человека на протяжении всей его жизни. Ресурсное обеспечение образования возросло не только за счет государственных средств, но и путем диверсификации источников. В США благодаря этому доля расходов на образование в ВВП за треть века почти удвоилась [2, с. 24].

В странах с развитой рыночной экономикой развитие человеческого капитала уже давно является общей тенденцией, базирующейся на необходимости конкурировать в высокотехнологичных сферах экономики. Развитие работника стало главным источником накопления богатства. По данным Всемирного банка, в ФРГ, Японии, Швейцарии на долю человеческого капитала приходится 80% общего объема капитала [5]. В странах с переходной экономикой уровень бюджетных расходов на эти цели явно недостаточен, для всех постсоветских стран характерно сокращение накопленного человеческого капитала в кризисный период.

В экономике и социологии концепция человеческого капитала дополняется понятием качество населения [5]. Сам термин заимствован из демографии, где он используется для расширительной оценки репродуктивных характеристик, включая здоровье, но все же, с опорой на физическое воспроизводство. Заслуга усиления социального смысла этого термина принадлежит А. Печчеи, определившего качество населения как самый важный ресурс человечества [3]. В развитие этого подхода П.Л. Капица предложил понимать под качеством населения «целый комплекс медико-генетических и социально-психологических характери-

стик жизни людей – их физическое здоровье, уровень развития интеллектуальных способностей, механизмы воспроизводства интеллектуального потенциала и т.п.» [3]. Данное понятие применяется и в социологии, в него включается не только мера способностей к производительному труду при достигнутом уровне здоровья и образования населения, но и степень инновативности и социальной мобильности людей [3].

Наряду с теорией человеческого капитала значительную роль сыграла концепция базовых нужд, уже упоминавшаяся выше. Она стала базовой для Международной организации труда. В концепции предусматривается обязательное удовлетворение базовых минимальных потребностей и улучшение общественных услуг, соблюдение прав человека и «развитие через участие» людей в принятии решений и их реализации. К базовым нуждам отнесено достаточно ограниченное их число:

- из индивидуальных нужд – минимальные потребности в пище, одежде, жилище и его оборудовании;
- из общественных услуг – обеспечение питьевой водой, санитарной очисткой мест проживания, услугами общественного транспорта, здравоохранения и образования.

В основном это физиологические потребности беднейших групп населения. Тем не менее, увязывание этих потребностей (нужд) с правами человека и укреплением инициативы людей является базовым принципом в подходах международных организаций и в современных оценках развития.

В начале 1990-х гг. группой экспертов Программы развития Организации Объединенных Наций на основе концепции человеческого капитала была разработана новая концепция развития человеческого потенциала (Human Development). Она возникла как противовес традиционному пониманию развития как роста объема материальных благ и услуг. В концепции во главу угла ставится не способность к производительному труду (т.е. экономическая ценность индивида), а само развитие человека через расширение возможностей выбора благодаря росту продолжительности жизни, образования и дохода [3]. При этом человеческое развитие может рассматриваться и как путь, позволяющий добиться роста производительности труда и дохода (причем рост приобретает ценность лишь тогда, когда действительно влияет на увеличение благосостояния людей и расширение возможностей выбора).

Таким образом, человеческое развитие рассматривается как цель и критерий общественного прогресса, а не средство экономического роста.

В основе этого подхода – концепция расширения человеческого выбора [3], центральная идея которой состоит в том, что благосостояние должно оцениваться по возможности людей вести такую жизнь, которую они считают достойной [3], а не по уровню дохода в расчете на душу населения. Согласно концепции человеческого развития, людям не нужен высокий доход для обеспечения достойного уровня жизни, важнее добиться наибольшей пользы от экономического роста для целей человеческого развития.

Оптимизация связи между экономическим ростом и человеческим развитием возможна путем увеличения инвестиций в образование, здравоохранение, содействия реализации способностей человека, более справедливого распределения дохода и богатства, обеспечения материальной основы развития челове-

ческого потенциала и сбалансированности социальных расходов, расширения возможностей выбора в политической, социальной и экономических сферах при особом внимании к тем группам населения, чьи возможности ограничены [5].

Преимущество концепции – в выделении базовых критериев социального развития (долголетие, образование, доход), пригодных для количественных сопоставлений.

В начале 1990-х гг. также возникла концепция устойчивого развития, трактуемого как такая система организации общества, при которой удовлетворение потребностей нынешнего поколения происходит не в ущерб возможностям удовлетворения потребностей будущих поколений. В качестве базового принципа устойчивого развития рассматривается сохранение природного капитала, минимизация внешних проявлений эффектов (экстерналий) для будущих поколений. В последнее время эти два подхода иногда объединяют в виде концепции устойчивого человеческого развития.

Новые концепции экономики развития изменили и подходы к понятию благосостояния. Исчез антагонизм подходов, и теперь Всемирный банк также рассматривает благосостояние как совокупность потребления, развития человеческого потенциала и экологической устойчивости с учетом их качества и стабильности [3].

В мировой практике в последнее время все чаще используется категория качества жизни. Относительная новизна категории качества жизни в экономической науке нашла отражение в дискуссионном характере ряда базовых положений, касающихся в целом теоретической основы исследований.

Принципиальное отличие концепции качества жизни – в расширении числа компонентов, обеспечивающих благосостояние не только в экономическом аспекте, но и в широком социальном. Кроме того, это следующий шаг по сравнению с концепцией базовых нужд, в которой благосостояние рассматривалось в большей степени как удовлетворение первичных потребностей. В подходе с современных позиций качества жизни благосостояние понимается как способность индивида использовать ресурсы (денежные, здоровье, образование, семейные и социальные связи, гражданские права и др.) для управления собственной жизнью, т.е. в терминах расширения возможностей выбора и действий [3].

Необходимо отметить, что данное определение отражает только один из существующих подходов к оценке благосостояния, так называемый ресурсный, характерный для скандинавских исследований уровня жизни и основанный на объективных показателях благосостояния. Англо-американский – определяет качество жизни несколько иначе, исходя из субъективных оценок – степени удовлетворения потребностей, которая может быть оценена только самим индивидуумом [3]. Для описания этих подходов часто используются термины «благополучие», «удовлетворение» и «счастье», значение которых размыто.

В настоящее время среди западных исследователей более распространена точка зрения, что объективные и субъективные показатели следует рассматривать как равнозначные, а показатели качества жизни определяются как комбинация объективных условий жизни и субъективного восприятия благосостояния [2].

Проблемам социального развития, повышения качества жизни, уровня жизни, благосостояния населения

уделялось внимание еще во времена Аристотеля. Об этом свидетельствует, в частности, следующее утверждение Аристотеля: «Цель государства – это совместное продвижение к высокому качеству жизни» [4]. Именно Аристотелю принадлежит определение «блага» как «средства к жизни и благосостоянию» [5], используемое в дальнейшей классической политэкономии.

Наибольший вклад в формирование современных представлений о качестве жизни вообще и о качестве трудовой жизни в частности внесли А. Пигу, В. Парето, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Э. Мейо, А. Маслоу, Ф. Герцберг. Термин «качество жизни» стал широко применяться в 1980-е гг. после работ Г. Мюрдаля и Дж. Гэлбрейта [4]. Хотя понятие качества жизни стало применяться в научной литературе с 1970-х гг., проблемы, связанные с содержанием этого понятия, обсуждались на протяжении тысячелетий.

В древности и средневековье были сформулированы основные представления о смысле жизни и природе человека. Несмотря на существенные отличия конфессиональных и философских концепций, практически все они рассматривали умеренность в потреблении материальных благ, законопослушность, духовное совершенствование, помощь ближним как важнейшие предпосылки достойного существования человека.

Таким образом, качество жизни – многокомпонентный показатель, трактуемый весьма различно. Качество жизни в общем случае определяется по всем сферам и аспектам существования человека: природа, семья, работа, общественная деятельность, учеба, свободное время и т.д.

Качество жизни характеризуется степенью удовлетворения потребностей человека, определяемой по отношению к соответствующим нормам, обычаям и традициям, а также по отношению к уровню личных притязаний [3].

В работах школы ИСЭПН РАН качество жизни рассматривается как результирующее понятие, объективная характеристика населения с определенным уровнем и образом жизни, т.е. фактически это качество населения при определенных условиях, уровне и образе жизни [2, с. 22] (или расширяется до очень широких пределов, включая компоненты материального и духовного благосостояния, финансово-экономические и медико-экологические аспекты) [4].

Второе понимание термина «качество жизни» более узкое (например, в словосочетании «уровень и качество жизни населения»): оно охватывает перечисленные характеристики без собственно уровня жизни в его экономическом понимании (доходы, стоимость жизни, потребление).

Ряд характеристик и показателей, такие, как «условия жизни», «образ жизни», «социальная обеспеченность», «развитость социальной инфраструктуры сферы услуг», занимают промежуточное положение и могут рассматриваться в зависимости от характера решаемых задач и как показатели уровня и как характеристики качества жизни.

2. МИРОВОЙ ОПЫТ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Оценки развития в международных сопоставлениях длительное время основывались в динамике ВВП, при этом считалось, что социальный прогресс определяется

ростом ВВП. В Российской Федерации этой позиции до сих пор придерживаются многие ведущие экономисты и представители власти [3, с. 43]. Однако показатель ВВП не дает адекватных оценок развития, так как его рост может иметь разное качество и не всегда сопровождается ростом человеческих и природных активов. Недостаточность оценок только экономического развития без учета качества роста стала очевидной еще в 1950-1960-е гг.

Концепции «государства всеобщего благосостояния», человеческого капитала заложили основу социально ориентированной государственной политики в западноевропейских странах, особенно скандинавских. Усиливая свое воздействие на социальное развитие, государство нуждалось в оценках его результативности, а для этого требовалась система социальных индикаторов.

Исследования в этой области активизировались с 1960-х гг., к середине 1970-х гг. появились системы индикаторов, как индивидуальные для разных стран, так и международные. Разработанные принципы отбора индикаторов основывались на оценке их доступности, достоверности, максимального охвата направлений социального развития, обоснованности.

Все более значимыми стали считаться такие критерии развития как широко понимаемая свобода выбора, неэкономические компоненты (экологические, политические, институциональные). Среди международных организаций первой использовала новые концептуальные подходы Программа развития ООН, начавшая с 1990 г. публиковать Доклады о человеческом развитии (Human Development Report). Позднее эту позицию стал разделять и Всемирный банк, опубликовавший Стратегию комплексного развития [3, с. 44].

Инициаторами изменения подходов выступали исследователи из развитых стран, занимающиеся проблемами качества жизни. Ими были введены новые критерии, в том числе и субъективные – не только оценки степени удовлетворения качеством жизни, но и такие трудно измеряемые индикаторы как благополучие, радость или счастье. Трансформация подходов к оценке социального развития и качества жизни объясняется тем, что для высокоразвитых стран прежние критерии – материальная обеспеченность и базовые нужды – стали отходить на второй план. При этом в развивающихся странах они оставались сверхактуальными и, как следствие, нарастала несовместимость приоритетов, показателей, полученных оценок.

В результате круг критериев социального развития расширился настолько, что принципы отбора индикаторов начали трещать по швам – при использовании новых подходов далеко не всегда можно найти регулярно собираемые, достоверные, полные и отражающие изменения показатели. Трудно оспаривать необходимость оценок степени удовлетворения как критерии социального развития – человек может чувствовать себя счастливым и без горячей воды, и с минимумом денег. Но пренебрежение методическими и информационными ограничениями создает условия для некорректных, политически спекулятивных оценок.

Помимо расширения числа критериев, в последнее десятилетие выросло внимание исследователей и общества к разнообразным межстрановым и межрегиональным сопоставлениям для оценки развития. Это объективная тенденция, рожденная информационной революцией и глобализацией. Актуальность этого направления привела в 1990-е гг. к количественному росту

исследований по методологии и методике измерений и сопоставлений. Изучению уровня и качества жизни, измерению их характеристик, анализу применимости отдельных групп показателей для международных сопоставлений и оценки социально-экономической политики посвящена обширная литература. Исследователей, занимающихся этими вопросами, объединяет Международное общество исследований качества жизни (International society for quality-of-life studies, ISQOLS) [3].

В настоящее время в международной практике наиболее распространены два основных метода оценки социального развития: при помощи системы показателей, а также в форме комплексных (синтетических) показателей.

Международные системы социальных индикаторов были в основном разработаны в 1970-1980-е гг. Наиболее известными являются система социальных показателей разработанных организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (Organization for economic cooperation and development, OECD), а также «Справочник по социальным показателям», подготовленный Департаментом по международным экономическим и социальным вопросам ООН и включающий примерный перечень социальных показателей, классифицированных по видам деятельности [3].

Для стран ОЭСР было выделено шесть основных целевых направлений социального развития, которые охватывают такие задачи, как повышение качества жизни, укрепление социального единства и достижение устойчивого развития. Эти целевые направления представляют собой тематические блоки систем показателей. Важным источником информации является Международная программа социальных обследований (International social survey programme, ISSP), объединяющая к настоящему времени более 30 стран по всему миру. В рамках этой программы с 1985 г. ведется сбор данных для межстрановых сопоставлений.

Анализ существующих международных систем индикаторов позволяет сделать следующие выводы:

- эти системы имеют разную степень сложности, но четкую целевую или структурную функцию;
- во всех международных сопоставлениях в системах индикаторов используются только объективные (статистические показатели);
- для оценки развития и мониторинга последствий определенных социально-экономических мероприятий применяются разные показатели; принцип разделения мониторинговых и оценочных показателей рекомендуется и зарубежными исследователями;
- использование проблемного или отраслевого подходов к оценке (например, здоровья и здравоохранения) сопровождается выбором различных индикаторов;
- в многокомпонентных системах социальных показателей важную роль играют показатели дохода (душевого ВВП, денежных доходов, иных компонентов уровня жизни), которые дополняются другими параметрами;
- в число социальных показателей регулярно включаются такие демографические индикаторы как младенческая смертность и ожидаемая продолжительность жизни, тесно связанные с уровнем экономического и социального развития;
- набор показателей по одной проблеме может меняться применительно к разным типам стран (например, при оценке нищеты используются разные индикаторы для развитых и развивающихся стран).

Комплексные индексы (интегральные показатели) в международных сопоставлениях используются достаточно редко. Выбор методики нормирования, взвешивания

вания компонентов и агрегирования определяется целью исследования. Экономисты Всемирного банка считают наилучшим подходом использование функции благосостояния, включающей различные параметры, взятые с разным, эмпирически определенным весом [3].

Исследования, нацеленные на представление простой и информативной картины состояния общества или информирование представителей власти, обычно используют сравнительно простые методы, что упрощает расчет показателей и облегчает их восприятие. Наиболее известным из комплексных индексов, преследующим именно такие цели, является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Он публикуется в ежегодных Докладах Программы развития ООН с 1990 г. и отличается детально разработанной методикой.

Методология исчисления ИРЧП постоянно совершенствуется. Вопросы отбора показателей, учитываемых при его построении, а также используемых весовых коэффициентов остаются дискуссионными.

Преимущества ИРЧП – в единстве критериев для всех стран и возможности мониторинга годовых изменений ИРЧП. Однако изменения в методике расчета индекса дохода позволяют вести мониторинг только начиная с данных за 1997 г. Слабые стороны этого показателя связаны с тем, что он не отражает дифференциации между отдельными группами населения. Для выделения таких групп в Программе развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) были введены новые показатели:

- индекс развития, учитывающий гендерные различия (gender-related development Index, **GDI**);
- индекс, характеризующий степень равноправия полов в общественной жизни (gender empowerment measure, **GEM**).

Таблица 1

СТРУКТУРА СИНТЕТИЧЕСКИХ ИНДЕКСОВ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Показатель	Структурные блоки										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Комбинированный индекс уровня потребления	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	+
Индекс развития человеческих ресурсов HRDI	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Реальный индекс потребления	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
Генеральный индекс развития НИИ ООН для социального развития GID	+	+	+	+						+	+
Индекс физического качества жизни PQLI	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Композитные индексы базовых потребностей	+	+	+	+						+	-
Индекс социального прогресса ISP	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+
Индекс человеческого страдания HIS	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	
Ранг качества жизни	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	
Комбинированный индекс качества жизни CQLI	-	+	+	+	+	+	+	+	+		+

Примечание. В таблице представлены следующие структурные блоки.

1. Динамика демографических процессов.
2. Образование и обучение.
3. Здоровье, продовольствие и питание.
4. Населенные пункты, инфраструктура, связь.
5. Политическая и социальная стабильность.

6. Культура, социальные и семейные ценности.
7. Ресурсы и состояние природной среды.
8. Политические и гражданские институты.
9. Доходы населения.
10. Безработица, использование рабочей силы.
11. Бедность и неравенство.

Несколько позже был разработан индекс, учитывающий неравенство в распределении национального дохода (income-distribution-adjusted index) и индекс нищеты, оценивающий масштабы и интенсивность бедности по разным методикам для развитых и развивающихся стран (human poverty index, **HPI**). Но ни один из этих индексов не может сравниться по цитируемости с ИРЧП.

Помимо индексов ПРООН, различными международными организациями разрабатываются другие комплексные индексы для оценок качества и уровня жизни, но они менее известны. Интегральные оценки качества жизни проводятся с помощью разных структурных компонентов (табл. 1) [3].

3. ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Анализ трансформации зарубежных подходов, систем индикаторов, используемых в международных сопоставлениях, их преимуществ и недостатков позволяет оценить, насколько зарубежный методический опыт пригоден для межрегиональных сопоставлений.

Представляется, что критерии для регионов РФ должны быть традиционными:

- набор индикаторов должен отражать общие для всех регионов проблемы, хотя этот принцип непросто реализовать из-за значительных различий в социальном развитии субъектов РФ (в диапазоне от относительно развивающихся до относительно развитых);
- в систему индикаторов должны включаться важнейшие аспекты социального развития в его более узком, традиционном понимании с использованием объективных оценок; такие принципы характерны и для стран Восточной Европы;
- главным условием отбора остаются традиционные требования к индикаторам: доступность, достоверность, структурный охват и способность отражать анализируемые изменения;
- использование интегральных оценок для целей социальной политики должно быть концептуально обоснованным, охватывающим ограниченное число индикаторов, основанном на применении простых методов интегрирования.

В 1987 г. В.Я. Райцин впервые предложил и обосновал важность использования единого интегрального показателя уровня жизни в связи с необходимостью проведения перспективных расчетов. В качестве такового он предлагал использовать соотношение душевого потребительского дохода и рационального потребительского бюджета. Этот показатель рассматривался им в качестве «важного дополнения к существующей системе показателей народного благосостояния, позволяющего оценить степень удовлетворения потребностей» [3].

Анализ отечественных методик позволяет показать наличие всех перечисленных проблем:

- выбора приоритетов;
- отбора индикаторов;
- определения их веса и способа агрегирования.

Особый интерес представляет работа Н.В. Зубаревич [2], в которой она также исходит из того, что понятие качества жизни по своей сути многоаспектно, не имеет общепризнанной формализованной структуры и пригодного для любых сопоставлений набора индикаторов. В его характеристиках в разных пропорциях отражаются уровень, условия жизни и качество населения. Различия в priori-

тетах зависят от уровня развития, поэтому критерии качества жизни не совпадают для развитых и развивающихся стран. Кроме того, для регионов РФ выбор индикаторов ограничен только статистической информацией из-за отсутствия субъективных оценок качества жизни.

При выборе приоритетных компонентов для РФ необходимо учитывать не только методологию и опыт оценок качества жизни в зарубежных и отечественных исследованиях, большинство которых нацелено на максимально полное отражение всех компонентов качества жизни, но и конкретные условия нашей страны.

Проблемы переходного периода в РФ привели к резкой смене приоритетов качества жизни. Если в советский период различия в большей мере определялись условиями жизни (доступностью и обеспеченностью базовыми услугами, благоприятностью условий проживания в регионе), то в переходный период на первый план вышли проблемы уровня жизни (низкие доходы и усилившееся неравенство), занятости (безработица), плохого состояния здоровья населения. При этом существующий уровень дохода в регионе не только становится наиболее поляризующим компонентом, но и все сильнее влияет на другие характеристики качества жизни – здоровье, долголетие, доступность базовых услуг.

Обоснование приоритетов не снимает неразрешимую проблему субъективности выбора, поэтому необходимо рассматривать многовариантный подход к комплексной оценке качества жизни: выбор как приоритетных для РФ компонентов, так и более широкого круга из числа используемых в международных сопоставлениях.

Наиболее привлекателен для практического использования простой и легко считаемый комплексный индекс, отражающий важнейшие компоненты качества жизни. Ограниченность числа критериев имеет большие преимущества, позволяя получать содержательно интерпретируемые результаты на основе простой методики. Аналогом в мировой практике является индекс развития человеческого потенциала, однако для оценок качества жизни в регионах РФ набор из трех компонентов этого индекса представляется недостаточным.

Основная причина – неполнота характеристики уровня жизни. Использование среднедушевого дохода или валового регионального продукта как единственного критерия потребления не позволяет выявить распределение дохода по группам населения. Рост дохода может концентрироваться в наиболее обеспеченных группах при усилении неравенства, что приводит к снижению качества жизни подавляющей части населения.

В странах с переходной экономикой огромное неравенство по доходу является одной из основных проблем, поэтому критерий дохода необходимо дополнить оценками уровня бедности. При относительной достоверности показателей дохода и бедности необходим еще один критерий – уровень занятости, отражающий состояние рынка труда и возможность получения трудовых доходов. Выделение доходов и занятости как основных компонентов качества жизни представляется необходимым по причине наиболее выраженной остроты этих проблем в регионах РФ.

Вторая причина – неравнозначность остроты проблем образования и здоровья (долголетия). Уровень образования, несмотря на все трудности переходного периода, остается достаточно высоким, а по состоянию здоровья и долголетию население РФ не отличается от многих развивающихся стран, и внимание к этому параметру качества жизни должно быть особым.

Первым вариантом оценки качества жизни может быть минимальный набор компонентов, отражающих наиболее острые проблемы – доходы, неравенство, занятость и здоровье населения [2, с. 80-102]. Это фактически «кри-

зисный» индекс качества жизни, позволяющий оценить различия в важнейших, наиболее проблемных аспектах жизнедеятельности и используемый для мониторинга и экспресс-диагностики социальной ситуации в регионах.

Второй вариант – полный индекс качества жизни, максимально охватывающий все компоненты, измеряемые статистическими методами. В нем компоненты первого варианта дополняются оценками уровня образования и остальных компонентов международных сопоставлений. Но простой отбор по структурному принципу представляется неточным, поскольку все оставшиеся компоненты относятся к условиям жизни и отражают два ведущих аспекта: доступность базовых услуг и безопасность (комфортность) жизни.

В международных сопоставлениях круг базовых услуг различен, но обязательно присутствуют услуги образования, здравоохранения, жилищные условия и показатели развития инфраструктуры (санитария, водоснабжение), средств коммуникаций. Доступность базовых услуг – одна из важнейших составляющих качества жизни, прежде всего в развивающихся странах, в развитых странах эти проблемы в основном решены.

Условия и качество жизни измеряются также ее безопасностью, которая зависит от состояния экологической и социальной среды.

Несмотря на очевидную важность, экологический критерий в различных индексах качества жизни присутствует далеко не всегда, поскольку методики его оценки крайне сложны.

В последнее время на основе экологических компонентов, как ядра, создаются системы индикаторов устойчивого развития. Такое разделение возможно и при оценке качества жизни, но для этого нужна система показателей устойчивого развития для регионов РФ.

Еще один критерий – личная безопасность – также важен для оценок качества жизни, тем более в нашей стране, но методика оценок безопасности разработана недостаточно.

Отказ от использования демографических компонентов качества жизни объясняется рядом причин. Динамика естественного прироста в странах и регионах с устойчиво низкой рождаемостью никак не характеризует качество жизни.

Миграционные показатели являются индикаторами привлекательности или неблагоприятности жизни для разных стран, но далеко не для всех российских регионов в переходный период. Миграционный отток из восточных и северных регионов отражает значительное ухудшение качества жизни в них, но, например, миграционный приток в Ингушетию вызван военным конфликтом в соседней Чечне.

Расселение прибывших из стран Содружества Независимых Государств также не может быть индикатором, поскольку до конца 1990-х гг. преобладали выталкивающие факторы миграций и, как следствие, мигранты выбирали приграничные регионы вблизи прежнего места проживания или места с доступным жильем, а не регионы с лучшим качеством жизни. Это подтверждается исследованиями: мигранты с Севера чаще переезжали в те населенные пункты, где у них было жилье или удалось купить его недорого; возможность трудоустройства при принятии решения о переселении не учитывалась, что в дальнейшем создало проблему занятости [3].

Ж.А. Зайончковская отмечает, что «во многих случаях наблюдается обратная связь – самый большой приток мигрантов имеют области с самыми худшими показателями производства, уровнями жизни и безработицы» [3]. Только в последние годы ослабевший миграционный приток начал переориентироваться на экономически привлекательные регионы, для нерегистрируемой трудовой миграции эта тенденция стала явной еще во второй половине 1990-х гг., но точные данные отсутствуют.

В перспективе при сокращении стрессовых выталкивающих миграций показатель миграционного прироста может служить одним из важнейших индикаторов качества жизни, поскольку он отражает субъективные оценки и предпочтения населения.

Рассматривая человека как существо биологическое (функционирующее в соответствии со всеми законами биологического гомеостаза) и социальное (реализующее себя только в социуме, в системе процессов и механизмов, функционирующих по специфическим «социальным правилам»), представляется наиболее целесообразным обобщенный подход, предложенный в работе С.А. Айвазяна, в которой выделяется пять интегральных свойств, составляющих среду и систему обеспечения жизнедеятельности населения [1].

1. Качество населения, интегрирующее в себе такие его свойства как ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования, квалификация, рождаемость и смертность, брачность и т.п.
2. Благополучие населения, интегрирующее в себе основные показатели уровня жизни и отражающее степень удовлетворения его материальных и духовных потребностей (реальные доходы, их дифференциация, уровень потребления благ и услуг, обеспечение мощностями инфраструктуры общества и т.п.).
3. Социальная безопасность, (или качество социальной сферы), отражающая уровень условий труда, социальной защиты, физической и имущественной безопасности члена общества, криминогенности и социально-политического здоровья самого общества и т.п.
4. Качество окружающей среды (или качество экологической ниши), аккумулирующее данные о загрязнении воздушного пространства, воды, о качестве почвы, уровне биоразнообразия и т.п. (нужно заметить, что человеческая популяция – это единственная земная популяция, не обеспечивающая утилизации отходов своей жизнедеятельности, опасных для окружающей среды и не включенных в естественные природные технологии – «трофические цепи биосферы»).
5. Природно-климатические условия, характеризующиеся составом и объемами природно-сырьевых ресурсов, климатом, частотой и спецификой форс-мажорных ситуаций.

Каждое из интегральных свойств отражает условия, в рамках которых протекают процессы удовлетворения как биологических, так и социальных потребностей членов общества. Последовательная иерархическая декомпозиция каждого из этих интегральных свойств позволит «спуститься» до набора соответствующих характеристик самого нижнего уровня, которые в подавляющем большинстве своем могут быть представлены стандартными статистическими показателями.

ВЫВОДЫ

Анализ накопленного теоретического опыта позволяет выбрать концепцию качества жизни как приоритетную в изучении социального развития, поскольку она отличается выраженным целеполаганием, четкой структурой, а также, в той или иной степени, включает в себя все основные содержательные понятия. Представляется, что только в рамках концепции качества жизни равнозначные и невзаимозаменяемые, на первый взгляд, компоненты социального развития могут подвергаться отбору по приоритетности в целях реализации конкретных исследовательских задач. Методология комплексных оценок качества жизни, помимо выбора приоритетов, позволяет также рассматривать проблему диагностики диспропорций отдельных компонентов, выявлять «слабые звенья» в социальном развитии стран и регионов.

Проблема разработки системы показателей качества жизни населения региона является одним из важнейших направлений исследований, нацеленных на создание информационной базы и совершенствования инструментов управления социально-экономическим развитием общества. Различные интегральные

индикаторы синтетической категории «качество жизни», с одной стороны, помогают выявить базовые латентные (недоступные для непосредственного измерения) факторы, формирующие эту категорию, а с другой – могут быть использованы как критерии оценки результатов социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и страны в целом, как показатели степени эффективности управления регионом (страной) в той сфере деятельности, к которой относится данный конкретный интегральный индикатор.

Литература

1. Айвазян С.А. Интегральные показатели качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях [Текст] / С.А. Айвазян. – М. : ЦЭМИ РАН, 2000.
2. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России : проблемы и тенденции переходного периода [Текст] / Н.В. Зубаревич. – М. : Едиториал УРПС, 2003.
3. Калинина Г.В. Социальное развитие региона: актуализация интегральных свойств качества жизни населения в современных условиях [Текст] / Г.В. Калинина, Н.П. Белова. – Чебоксары : Руссика, 2004.
4. Калинина Г.В. Философский аспект управления социальным развитием [Текст] / Г.В. Калинина. – Йошкар-Ола : МарГУ, 2006. – 208 с.
5. Калинина Г.В. Социальное развитие и качество жизни : проблемы методологии [Текст] / Г.В. Калинина. – Йошкар-Ола : МарГУ, 2006. – 217 с.

Ключевые слова

Благополучие; доходы; жизнедеятельность; качество жизни; образ жизни; потребление; производство; сбережение; социальное развитие; стоимость жизни.

*Белова Надежда Петровна;
Калинина Галина Викторовна;
Смирнов Валерий Владиславович*

РЕЦЕНЗИЯ

Актуальность исследуемой темы обусловлена объективной потребностью в изучении условий и возможностей социального развития субъектов Российской Федерации.

С целью формирования рациональных положений для процедуры анализа условий социального развития регионов авторы поставили следующие задачи:

- рассмотреть концептуальные аспекты качества жизни;
- раскрыть основные определения уровня жизни;
- установить соотношение благосостояния, уровня, качества и образа жизни;
- отразить потребность в осознании ценности человеческого капитала;
- разобрать мировой опыт в исследовании социального развития;
- рассмотреть отечественные методики оценки социального развития.

Научная новизна представленного материала не вызывает сомнений, в частности, авторы раскрыли категорию качества жизни в контексте деятельности индивида по формированию оптимальной комбинации объективных условий жизни и субъективного восприятия благосостояния в формате его способности управления собственной жизнью, т.е. расширения возможностей выбора и действий.

Вывод: название рецензируемой статьи «Анализ условий социального развития регионов», подготовленной Беловой Н.П., Калининой Г.В., Смирновым В.В., соответствует ее содержанию. Общий научный уровень статьи отвечает требованиям, предъявляемым к результатам диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора экономических наук и публикуемых в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ.

С учетом изложенного статья Беловой Н.П., Калининой Г.В., Смирнова В.В. «Анализ условий социального развития регионов» рекомендуется к опубликованию.

Резюкова Л.В., к.э.н., доцент, зам. декана факультета управления и психологии ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова».

10.2. ANALYSIS OF CONDITIONS OF SOCIAL DEVELOPMENT OF REGIONS

N.P. Belova, Candidate of Science (Economic), the Senior Lecturer of Faculty of Economy, Management and Cooperation, Cheboksary Cooperative Institute (Branch) the Russian University of Cooperation;

G.V. Kalinina, Doctor of Philosophy, Candidate of Science (Economic), the Professor Managing Chair of Commerce and Management of Cheboksary Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation;

V.V. Smirnov, Candidate of Science (Economic), the Senior Lecturer of Faculty of Branch Economy Federal State Educational Establishment of the Supreme Professional Education Chuvash State University of a Name of I.N. Ulyanov

Conceptual aspects of quality of a life are considered, the basic definitions of a standard of living are opened, the parity of well-being, level, quality and a way of life is established, the requirement for comprehension of value of the human capital is reflected, world experience in research of social development is disassembled, domestic techniques of an estimation of social development are considered, the structure of synthetic indexes of quality of a life is shown

Literature

1. S.A. Ajvazjan. Integrated indicators of quality of a life of the population: their construction and use in social and economic management and inter-regional comparisons [Text] / S.A. Ajvazjan. – M: the Central economic-statistical institute of the Russian Academy of Sciences, 2000.
2. N.V. Zubarevich. Social development of regions of Russia: problems and tendencies of a transition period [Text] / N.V. Zubarevich. – M.: Editorial URRS, 2003.
3. G.V. Kalinina. Social development of region: actualization of integrated properties of quality of a life of the population in modern conditions [Text] / G.V. Kalinina, N.P. Belova. – Cheboksary: «Russika», 2004.
4. G.V. Kalinina. Philosophical aspect of management of social development [Text] / G.V. Kalinina. – Ioshkar-Ola: Mari State University, 2006. – 208 p.
5. G.V. Kalinina. Social development and quality of a life: problems of methodology [Text] / G.V. Kalinina. – Ioshkar-Ola: Mari State University, 2006. – 217 p.

Keywords

Well-being; incomes; ability to live; quality of a life; a way of life; consumption; manufacture; savings; social development; life cost.